

Ш-49
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 962.0+950

ШЕРКОВА Татьяна Алексеевна

ЕГИПЕТ И КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО:
ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Специальность 07.00.03 - всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1988

Работа выполнена в отделе исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока Института востоковедения АН СССР.

Научный руководитель:

академик АН Тадж.ССР

доктор исторических наук,

профессор Литвинский В.А.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Ставиский В.Я.,

кандидат исторических наук Берзина С.Я.

Ведущее учреждение - Институт этнографии АН СССР.

Защита состоится "27" мая 1988 г.

в "11" часов на заседании специализированного совета

Д.003.01.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата исторических наук в ИВ АН СССР. -
г.Москва, ул.Жданова, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИВ АН СССР.

Автореферат разослан "4" апреля 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
к.и.н.

М.С.КЛОЧКОВ

© Институт востоковедения АН СССР, 1988

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Одно из важнейших направлений изучения древней истории связано с проблемами межрегиональных историко-культурных контактов. С одной стороны, их решение позволяет реконструировать социально-экономические процессы обменных отношений, проследить результаты и вскрыть действие механизмов культурных взаимодействий, влияний и заимствований. С другой стороны, изыскания в этой области дают возможность выявить многие стороны и тенденции внутреннего развития вступивших в контакты стран. В диахроническом срезе совокупность этих данных раскрывает природу межрегиональных связей в древности как определенной ступени эволюции историко-культурного процесса в целом.

В первые века н.э. активизировались взаимодействия Римской империи и Индии, частично входившей в состав государства Великих Кушан. В осуществлении этих связей важная роль принадлежала Египту, который являлся форпостом римского мореплавания в Красном море и Индийском океане в период расцвета прямой морской торговли с Индией; наряду с Сирией - основным экспортером империи; международным торговым и культурным центром. Установление контактов с Кушанским царством способствовало вовлечению в межгосударственный товарообмен населения Центральной и Средней Азии, возникновению сложных культурных синтезов, в которых прослеживается и египетский, точнее египетско-эллинистический элемент, как составная часть импульса культур античного мира.

В научной литературе, посвященной индо-римским взаимодействиям, сложилось мнение о своеобразии связей Римской империи с регионом Северо-Западной Индии, входившей в состав Кушанского государства в сравнении с ее южными территориями. Эти различия затрагивают как область торгово-экономических, так и культурных контактов. Вместе с тем при оценке этих явлений был предложен

геллы ряд интерпретаций, обнаруживающих различный подход и методологию исследований. К числу дискуссионных относятся вопросы о причинах изменения в ассортименте римского экспорта и районировании индийской торговли, ее хронологии, о роли римских монет в Индии, о происхождении римских (в широком смысле) импортов и прототипов для кушанской иконографии, о месте некоторых привозных изделий и местных имитаций в религиозных и идеологических представлениях населения Кушанского царства. Весь этот круг проблем имеет непосредственное отношение к собственно индо-египетским и кушано-египетским взаимодействиям, которые отчасти рассмотрены в отечественной и зарубежной историографии. Специальное внимание восточной торговле эллинистического и римского Египта было уделено М.М.Хвостовым. Важные выводы об экономических основах египетско-индийских контактов были сделаны крупнейшим специалистом по экономической истории римского и византийского Египта А.Джонсоном. В настоящее время все более пристальное внимание уделяется проблемам культурных взаимодействий и взаимовлияний Римской империи и Индии. Примеры воздействия египетской иконографии на кушанскую рассмотрены в работах Р.Гёбля и М.Таддеи. В ряде исследований ставится вопрос о проникновении культов египетских богов в кушанский пантеон, однако такой подход разделяется далеко не всеми учеными.

Источниковедческая база изучения египетско-кушанских контактов достаточно обширна. Она включает памятники письменности и материальной культуры. Вместе с тем информация, заключенная в этих источниках, столь эпизодична, что составить достаточно полное представление о содержательной стороне этих связей возможно лишь при комплексно-сопоставительном анализе совокупности их данных. В категорию письменных источников входят сочинения античных авторов, данные китайских династийных хроник и индийские тексты. Существенно, что ни в одном античном источнике нет прямых упоминаний о Кушанском царстве, несмотря на то, что их описания касаются тех территорий Индии и Центральной Азии, которые входили в его состав. Наиболее ранние сведения о контактах римского Египта и Индии содержатся в "Географии" Страбона, относящейся к рубежу н.э. В ней фиксируется становление римско-египетского торгового мореплавания в Индийском океане, дается описание континентальных путей, в том числе - из Египта в Центральную Азию и Индию. Специальная глава посвящена Бактрии. Детальная информация о развитии римско-индийской мор-

ской торговли содержится в труде Плиния Старшего "Естественная история", написанной в 70-е гг. н.э. Важны его сведения об индийских портах, интенсивности торговли, обменных товарах. Первостепенное значение для данной темы имеет "Перипл Эритрейского моря" анонимного автора, по-видимому, младшего современника Плиния. По характеру изложения это итинерарий, рассчитанный на египетских купцов и мореплавателей, посещавших Восточную Африку, Южную Аравию и Индию. В этом источнике дана исчерпывающая информация о предметах торговли, наиболее благоприятном времени для совершения плаваний, о маршрутах, портах и стоянках, международных рынках, - словом - это практическое пособие для деловых людей Египта, связанных торговыми интересами со странами Востока. Некоторые сообщения анонима могут привлекаться для историко-ситуативной интерпретации. Другой итинерарий, составленный торговыми агентами купца Мая Тициана, был использован Клавдием Птолемеом для описания Великого шелкового пути, в частности его центральноазиатских отрезков. Сведения о Северо-Западной Индии содержатся в "Жизнеописании Аполлония Тианского", составленном Флавием Филостратом во второй половине II в. н.э. Из многих замечаний автора следует, что индо-римская морская торговля была регулярной и развитой. Важны его описания, связанные с религиозными воззрениями индийцев, а также сообщения о почитании в этом регионе греческих и египетских богов. Для раскрытия темы привлекаются отрывки из сочинений и других античных авторов, а также данные папирусов римского времени из Египта, эпиграфических памятников из Египта и Индии. По ряду вопросов более информативными являются китайские династические хроники и памятники индийской письменности. В целом письменные источники характеризуют более широкий пласт контактов - между античным миром и Индией. Применительно к данной теме эти сведения конкретизируются в сочетании с материальными памятниками, полученными в результате крупномасштабных археологических работ в среднеазиатских республиках, Афганистане, Пакистане и Индии.

Цель работы - рассмотреть конкретное содержание, динамику, механизмы и результаты египетско-кушанских контактов путем анализа и синтеза данных различных категорий источников с учетом исследований, проведенных в отечественной и зарубежной науке.

Научная новизна. Это первое специальное монографическое исследование, посвященное взаимоотношениям культур Египта и Кушанского царства. На обширном фактическом материале прослежен характер и способы осуществления торгово-экономических связей Римской империи с Востоком, выявлена известная специфика обмена с Кушанским царством. Вместе с тем в работе предпринята попытка рассмотреть сложные процессы и механизмы кушанских заимствований из египетской культуры на совокупности материалов, в том числе введенных в научный оборот автором.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что материалы, освещающие египетско-кушанские связи, могут быть использованы при разработке основных проблем межрегиональных взаимодействий, при написании соответствующих разделов истории народов советской Средней и, шире - Центральной Азии. Наблюдения и выводы, сделанные в работе, могут использоваться при чтении лекций, посвященных историко-культурным контактам античного мира с Востоком, а также в музейной практике.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, примечаний и списка основной использованной литературы. Объем текста - 177 с. машинописи. К работе прилагается 5 таблиц и альбом с 46 иллюстрациями.

Во Введении определяется роль египетско-кушанских контактов в системе торгово-экономических и культурных связей Римской империи с Индией, Центральной и Средней Азией в свете основных концепций, разработанных в отечественной и зарубежной историографии; характеризуется источниковедческая база; обозначаются хронологические и территориальные рамки; формулируются цели и задачи исследования.

Первая глава посвящена рассмотрению историко-географических факторов в осуществлении контактов римского Египта с территориями Центральной и Средней Азии, а также Индии в кушанское время.

В первом разделе определяется роль континентальных и морских маршрутов в этих связях. Из сообщений античных авторов и китайских хронистов явствует, что Египет был связан с трансазиатским Великим шелковым путем от Передней Азии до Китая и Индии древними караванными дорогами, проходившими через Синайский п-ов, использовавшимися и в римское время. Эти данные согласуются с топографией распространения на восток египетских импортов вплоть до Китая. Вместе с тем аналогичные находки

встречаются на территориях, через которые проходил другой древний маршрут - Степной путь от Северного Причерноморья в Центральную Азию. Массовый однотипный материал, представленный бурами и амулетами, характерных для египетского производства римского времени форм, происходит из археологических комплексов различной культурной принадлежности I-III вв. н.э. Карта его распространения, совпадающего с древними караванными путями, свидетельствует об их связи с международной торговлей, которая, однако, в этот период носила дистанционный характер. На Востоке деятельность сирийских и египетских купцов ограничивалась главным образом Месопотамией, и основание торговых факторий в Индии и Китае в первые века н.э. следует рассматривать скорее всего в связи с освоением морских путей от египетских портов на красноморском побережье в сторону Индии, по которым осуществлялись прямые контакты римского мира со странами Востока.

Первые шаги в этом направлении предпринимались мореплавателями птолемеевского Египта на рубеже н.э. Данные письменных источников I-III вв. н.э. свидетельствуют о регулярных посещениях индийских портов египетскими купцами. В них содержится информация об активной морской торговле римского Египта с Северо-Западной Индией, контролируемой кушанами, о богатстве жителей Кушанского царства (бактрийцев) и о значении караванных путей от портов Западной Индии через Бактрию в торговле с Китаем.

Во втором разделе рассматриваются основные вопросы индо-египетской морской торговли, которая базировалась на периодичности действия муссонов в северной части бассейна Индийского океана. Традиционно начало использования муссонных ветров античными мореплавателями связано с именем полубогини Гиппала, упомянутого в "Естественной истории" Плиния Старшего и в "Перипле Эритрейского моря" анонимного автора - египетского купца. Дискуссионность вопроса о времени этого открытия, позволившего совершать плаванья в открытом море, во многом связана с проблематичностью датировки сочинения анонима. Автор работы присоединяется к мнению тех исследователей, которые локализируют время деятельности Гиппала в пределах II в. до н.э., может быть, последней четверти II в. до н.э. - начале I в. до н.э. Сущность открытия Гиппала состояла не только в начале использования муссонов. Попутные ветры учитывались и прежде, при совершении каботажных плаваний. Рациональным зерном этого новаторства являлась возможность в открытом море из-

бирать маршруты, в зависимости от местонахождения индийского порта, который нужно было посетить, то есть эмпирическим путем были выработаны пути, которые позволяли выйти на ту параллель, на которой находился искомый порт. К такому заключению приводит анализ данных "Перипла". Ситуация, отраженная у анонима, стадияльно более поздняя, чем последняя фаза развития античного мореплавания в Индийском океане в схеме Плиния, и относится к 80-90 гг. н.э.

Прогресс античного мореплавания вызвал усовершенствования в конструкции кораблей, специально предназначенных для плавания в открытом море. Письменные источники и изобразительные материалы дают представление об устройстве и внешнем виде римско-египетских торговых судов, посещавших порты Индии. Индийское морское дело достаточно подробно освещено в индийских текстах, в которых имеются данные о классификации морских судов, корабельной оснастке, приводятся термины, определяющие различные функции и службы, связанные с деятельностью моряков, а также с организацией морской торговли. В них говорится о том, что мореходами были выходцы из северных и восточных районов Индии, которые совершали плавания в отдаленные районы с торговыми целями. В тамильской литературе имеются сведения о прибытии в Индию кораблей Yavanas.

В третьем разделе рассматриваются данные о портах, гаванях и рынках индо-египетской морской торговли. Плавания из Египта совершались из красноморских портов Миос Хормоса и Береники в наиболее благоприятное время, соответствующее максимальной активности юго-западного муссона, то есть в начале июля. Детальное описание пути в Индию с указанием попутных стоянок и рынков имеется в "Перипле Эритрейского моря" и в "Естественной истории" Плиния. В I в. н.э. было освоено три пути в сторону портов на западном побережье Индостана: Барбарикону в дельте Инда, Баригазе на р. Нармада и гаваням Лимирики на юге полуострова. На восточном побережье античным морякам были известны порты в дельте р. Ганг. Во II в. н.э. их корабли достигали Китая.

Посещение портов и рынков иностранными кораблями санкционировалось местными властями, которые взимали пошлины на ввозимые товары. В "Артакхаштре" зафиксирован целый ряд мероприятий, свидетельствующих о заинтересованности индийских правителей в международной морской торговле. Ряд аравийских и индийских портов и рынков наделялся правами участвовать в этой торговле, законодательным путем основывались торговые фактории иностранцев, игра-

вших роль землячеств.

При развитости индийского мореплавания достаточно удивительно отсутствие в письменных источниках сведений о посещениях индийскими торговыми кораблями египетских портов на Красном море. До недавнего времени лишь немногие упоминания античных авторов могли рассматриваться как факты пребывания в Египте индийцев, скифов и бактрийцев по делам торговли. Археологические раскопки в портовом поселении Левке-Лимен в Египте, начатые в 70-е годы, с достаточной очевидностью показали, что индо-египетская морская торговля носила активный двусторонний характер и основывалась на взаимных посещениях и длительном проживании иностранцев, причастных к торговле, в портовых городах.

Вторая глава посвящена анализу предметов египетского производства и подражаний им в кушанской культуре. Данные источников о регулярных посещениях египетскими большегрузными кораблями индийских портов и рынков позволяют судить о значительном объеме индо-римского товарообмена. В "Перипле Эритрейского моря" приводится перечень обменных товаров, из которого явствует, что в Индию экспортировались главным образом предметы египетских ремесел. В Римскую империю поступали в основном продукты добывающих производств.

В первом разделе рассматриваются изделия основных египетских ремесел: ткачества, изготовления благовоний и стеклоделия Александрии и провинциальных городов Египта. Ткацкие и парфюмерные мастерские работали на местном и привозном сырье, которое, после соответствующей переработки, экспортировалось в виде готовой продукции. Вывозились не только изысканные, дорогостоящие изделия, но и более дешевые, причем рассчитанные на местные вкусы. Этим отличался экспорт льняных изделий в Аксумитское царство. Вообще изделия из льна являлись важнейшими объектами текстильного производства, вывозившимися за пределы Египта, в том числе на индийские рынки. В связи с анализом индо-египетской торговли совершается экскурс в изучение термина "виссон", упомянутого у одних античных авторов как тончайшее полотно, вывозившееся из Индии в Египет, у других — как ткань, издавна известная в Египте. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой в первые века н.э. этот термин определял тонкие хлопчатобумажные материи как индийские, так и египетские /М.М.Хвостов/. Из Индии поступали не только готовые ткани, но и сырье. Аналогичным образом обстояло дело с китайским шелком, который, в си-

лу его высокой стоимости применялся главным образом для украшения гобеленов и одежды в виде небольших медальонов. Имеются сведения о вывозе египетских гобеленов в Центральную Азию.

Египетские мастерские по изготовлению сложных многосоставных благовоний и мазей работали в основном на привозном сырье из Южной Аравии, Восточной Африки и Индии, куда вывозилась готовая продукция, высоко ценимая на восточных рынках.

Вывоз египетского стекла засвидетельствован письменными и многочисленными материальными источниками из Индии, Средней и Центральной Азии и Китая. О товарах, специально предназначенных для царствующих особ и местных правителей, можно судить на основании содержания сокровищницы в Беграме кушанского времени, найденной при археологических работах в Афганистане. Здесь была обнаружена целая коллекция прекрасных сосудов, демонстрирующих различную технологию египетского стеклоделия. Формирование сокровищницы происходило на протяжении многих лет: в ней собраны вещи разновременные, в том числе и стеклянные сосуды, которые датируются (на основании аналогий) в пределах от I до III-IV вв. н.э.

Далеко не все из известных в Северо-Западной Индии стеклянных сосудов, сходных с западными образцами, рассматриваются как римский импорт. О развитом стеклоделии в Кушанском царстве свидетельствуют китайские источники.

Во втором разделе анализируется наиболее многочисленный материал — изделия из египетского фаянса, происходящие из среднеазиатских археологических комплексов кушанского времени. Они представлены фигурными амулетами в виде амфорок, кулачков—"кукишей", виноградных гроздьев, скарабеев, лягушек, черепах, египетских богов и бусами различных форм. Все эти предметы встречаются как на поселениях, так и в погребениях. Известны и подражания из других материалов. Многочисленные аналогии широко известны в Восточном Средиземноморье, в парфянских слоях Месопотамии, в античных полисах и некрополях Северного Причерноморья, в сарматских могильниках, в Средней Азии и Восточном Туркестане. Некоторые из этих форм встречаются на памятниках Центральной Азии до кушанского времени (Тилля-тепе), хотя южнее Гиндукуша, в отличие от Средней Азии, египетские фаянсы и имитации из других материалов исчисляются единичными экземплярами. В Индии фигурных фаянсовых амулетов не встречено вовсе, однако в Западной и Центральной Индии, в археологически выявленных мастерских по обра-

ботке стекла, обнаружено значительное количество фаянсовых бус местных форм. Они встречаются в комплексах не ранее первых веков н.э., причем нередко вместе с римскими импортами, представленными предметами мелкой пластики. Учитывая отсутствие традиции работ с фаянсом в Индии, это позволяет предполагать западный импульс для возникновения обработки фаянса в Индии. Такой подход снимает вопрос о наличии здесь фигурных амулетов, то есть готовой продукции из материала, доставлявшегося в Индию в виде слитков, из которых изготавливали украшения местных форм.

В третьем разделе характеризуются предметы египетского изобразительного искусства из археологических комплексов кушанского времени. Рассматриваются торевтика, гипсовые медальоны, терракоты, изображающие богов египетско-эллинистического пантеона, а также поднимаются вопросы о местных подражаниях некоторым египетским прототипам. Наряду с материалами, свидетельствующими о существовании торговли Египта с Кушанским царством, в этом разделе рассматриваются примеры воздействия элементов культуры Египта на Кушанское царство. Так, египетский импульс прослеживается в появлении в Бактрии захоронений в антропоморфных гробах. Однако это заимствование стоит в ряду тех проявлений межкультурных контактов, которые характеризуются не прямыми, а опосредованными связями /Б.А.Литвинский/.

В четвертом разделе исследуется динамика развития индо-римской торговли, выясняются вопросы о характере обменных отношений Римской империи с различными районами Индии, устанавливаются некоторые особенности в торговле с Кушанским царством. Основными источниками в данных вопросах служат клады и отдельные находки римских монет из Индии, Центральной и Средней Азии.

В течение I в. н.э. наиболее активная торговля осуществлялась с Южной и Восточной Индией, откуда вывозились драгоценные камни, специи, из прибрежных районов — жемчуг. В обмен на эти дорогостоящие товары Римская империя поставляла значительное количество полновесных золотых и серебряных монет, отчеканенных в Риме, главным образом монет Августа и Тиберия. Внутриэкономические процессы в Римской империи 60-х годов обусловили изъятие из экспорта в Индию денариев (в которых, после денежной реформы Нерона, снизилось количество серебра) и заметное сокращение вывоза ауреев. Это, однако, не означало затухания индо-римской торговли — сместились лишь ее акценты. Перемещение центров индо-римской торговли в Северо-Западную Индию сопровождалось натура-

лизацией римского экспорта. Наметившаяся во второй половине I в. н.э. тенденция к убыванию кладов из Южной и Восточной Индии, как следствие этих изменений, особенно выразительна в более северных районах, где встречаются римские монеты II-III вв. (в Восточной Индии отдельные экземпляры относятся к IV в.), в количестве, значительно уступающем находкам монет I в. н.э. из южных и восточных районов Индии. Из внутренних областей Центральной Азии и Китая на рынки Северо-Западной Индии поступали товары (хлопчатобумажные ткани, масла, красители, шелк), которые, наряду с дорогостоящими предметами торговли Южной Индии, приобретали египетские купцы. Из-за резкого ограничения вывоза звонкой монеты Римская империя могла продолжать торговлю, расплачиваясь предметами ремесел восточных провинций, главным образом произведениями искусств и предметами роскоши.

Сравнительный анализ материальных свидетельств этой торговли из Северной Индии, Средней и Центральной Азии кушанского времени и данных "Перипла" позволяет сделать вывод о единообразии египетского экспорта в различные индийские порты, за одним, но очень существенным исключением. Египетские купцы, посещавшие Северо-Западную Индию, обменивали свои монеты на местные, что позволяет сделать вывод о существовании товарно-денежных отношений в торговле Римской империи с этим регионом. Находки серебряных монет александрийского чекана в Индии, Средней Азии, на Цейлоне, а также в Передней Азии дают основания полагать, что во II-III вв. н.э. эти провинциальные монеты также могли участвовать в международной торговле.

В пятом разделе рассматриваются примеры иконографических параллелизмов в александрийском и кушанском монетных чеканах. В этом аспекте представляют интерес некоторые типы монет Канишки и Хувишки, на которых изображены греко-эллинстические и римские божества. В данном контексте наибольшее внимание уделяется монетам Хувишки с изображением Сараписа. Вопрос о генезисе их иконографии в литературе дискуссионен как в плане хронологической (от I до IV вв. н.э.) и территориальной (александрийской или малоазийской) локализации прототипов, так и с точки зрения принципов сопоставительного анализа материалов различной культурной принадлежности. Отсутствие жестких критериев для установления времени бытования прототипов и заимствований, ограниченные возможности иконографического анализа и т.п. позволяют прийти к решению этой проблемы лишь на уровне допущений и гипотез.

В результате детального иконографического и сопоставительного анализа, а также исходя из общего историко-культурного фона египетско-кушанских, шире - индо-римских контактов, автор диссертации пришел к выводу о том, что наиболее вероятными прототипами для кушанской иконографии монет с Сараписом являлись монеты Антонинов александрийского чекана.

В третьей главе предпринимается попытка выявить пути и механизмы кушанских заимствований из египетской культуры. В этом аспекте рассматриваются египетские импорты из кушанских комплексов и местные подражания им. Они составляют достаточно компактную группу объектов материальной культуры, так или иначе связанных с культово-религиозной практикой. Это фигурные амулеты, изображения богов и в известном смысле монеты (точнее монетная иконография). Цель анализа - выяснить, какой смысл приобретали эти предметы и образы, запечатленные на них, попадая в иной этнокультурный контекст. Эти данные рассматриваются в сочетании с фактами заимствования иконографии египетских богов при воплощении местного, индо-иранского пантеона. Совокупность всех этих материалов позволяет ставить вопрос о заимствовании не только иконографии, но и самих образов египетских богов.

Появление изображений наиболее почитаемых в Египте римского времени богов за его пределами было вызвано деятельностью лиц, причастных к торговле: купцов, караванщиков, торговых агентов, ремесленников, проживавших за границей. В "контактных зонах" - портах, торговых городах, где встречались представители различных государств и народов, приверженцев разных культов, формировался "религиозный синкретизм". Активность выходцев из Александрии способствовала включению в этот процесс Сараписа, Исиды и Гарпократа, культ которых перешагнул не только границы Египта, но и Римской империи.

В первом разделе рассматриваются материалы, связанные с образом Сараписа. Он запечатлен на объектах, вывезенных из Египта и изготовленных на месте. Для выяснения значения образа Сараписа в кушанской культуре наиболее важные результаты дает анализ его изображений на кушанских монетах. Появление греко-эллинстических божеств в кушанской монетной иконографии носило не случайный характер: каждому из них соответствовало функционально близкое божество кушанского пантеона. Иконографический и сопоставительный анализ монет с изображением Сараписа приводит к выводу о наличии такого принципа и применительно к этому божеству.

ву. Наибольшую концептуальную близость Сарапис обнаруживает с Шивой по ряду аспектов, но главным образом как бог-воитель (через синкретизм Сараписа с Гераклом), бог-патрон царя и в целом института правления, т.е. как божество династическое. Следовательно, и в кушанском пантеоне (по крайней мере в монетном) он наделяется теми же функциями, которые были ему присущи со времени возникновения его культа в птолемеевском Египте. Появление Сараписа в кушанском монетном чекане можно рассматривать как политический акт правящего дома, который, расширяя пантеон за счет иноземных богов, прокламировал идею незыблемости и силы правящей династии. Появление на кушанских монетах таких богов как Геракл, Сарапис, а позднее почти исключительно Шивы, указывает на важную роль династического культа в Кушанском царстве.

Кульτ Сараписа мог проникнуть в Центральную и Среднюю Азию из восточных пределов государства Селевкидов, где он был известен. В кушанское время, на волне активизировавшихся контактов с Западом, он был адаптирован официальной религиозной мыслью Кушанского царства.

Во втором разделе анализируются материалы, связанные с изображениями Гарпократы. Наряду с предметами импорта и предположительно местными воплощениями этого божества, его иконография послужила прототипом для изображений Майтрейи в облике младенца, сидящего на лотосе, в гандхарском искусстве. Концептуальная близость обоих божеств позволяет предполагать знакомство гандхарских буддистов с культом Гарпократы, однако ряд признаков не дает оснований усматривать в гандхарских рельефах его воплощений. Это примеры сознательного, избирательного заимствования иконографии иноземного божества, творчески переосмысленной и включенной в изобразительный контекст, соответствующий местным религиозным представлениям.

Наряду с заимствованием иконографии Гарпократы для воплощения персонажа буддийского пантеона, среднеазиатские, центральноазиатские и индийские материалы кушанского времени содержат информацию об отождествлении образа этого божества с местными персонификациями представлений о плодородии. Если для реализации образа Майтрейи основную роль играло наличие лотоса, на котором (или в котором) сидит Гарпократ, то для отождествления его с персонажами дионисийского круга решающую роль сыграл облик юного существа. Круг сопоставлений Гарпократы с местными божествами достаточно широк: в Средней Азии это один из вариантов уми-

рающих и воскресающих богов, принимающих вид ребенка (Мин, Сиявуш) или юноши (бактрийское божество дионисийского культа) якшей, популярных в буддийском искусстве и иконографии Гандхары, а также путти.

Третий раздел посвящен рассмотрению материалов, связанных с образами Беса и Птах-Секер-Осириса, чьи изображения в виде карлика встречаются в среднеазиатских комплексах кушанского времени. Единство значения образов этих богов и Гарпократы в кушанской культуре продиктовано иконографической их близостью (и даже слиянием), отразившей их концептуальное сходство в поздних египетских религиозных представлениях греко-римского времени. В традиционных верованиях персонификации в облике ребенка или карлика были связаны с представлениями о нижнем мире, подземных богатствах, в том числе зерновых, о возобновлении природного и человеческого плодородия и загробного существования. Универсальность этих представлений обусловила усвоение инокультурной, в данном случае египетской, иконографии культурами Индии, Средней и Центральной Азии кушанского времени.

В четвертом разделе выявляются механизмы адаптации населением Кушанского царства египетских фигурных амулетов и бус. Одни формы не были чужды кушанской культуре, символика других была достаточно прозрачной. Заимствование инокультурных реалий происходило на основе творческого переосмысления их содержания в русле местных верований. В конечном счете они отражали универсальные религиозные представления, свойственные традиционным религиям, что лаконично выражено в древнеегипетской формуле: жизнь, благополучие, здоровье.

Рассмотренный материал затрагивает как пласт народных верований, так и официальных идеологических представлений, существовавших в Кушанском царстве. Заимствованные элементы египетской культуры отождествлялись с присущими каждой из этих сфер идеологическими воззрениями. Учитывая степень информативности источников, в одних случаях можно говорить о заимствовании иконографии, в других – об адаптации образов и сюжетов на основе их творческого переосмысления в духе местных идеологических и эстетических представлений.

Заключение. Связи Египта с Кушанским царством осуществлялись в русле восточной торговой политики Римской империи и определяли одно из важнейших ее направлений. Со II в. н.э. значительный объем торговли Рима с Индией и Китаем приходился на до-

лю этих связей. В это время произошло перемещение центра римской торговли из Южной в Северо-Западную Индию. Другой стороной этого процесса явилось изменение в ассортименте римского экспорта. Со второй половины I в. н.э. в обмен на индийские товары из Римской империи стали вывозиться не золотые и серебряные монеты, а предметы ремесел восточных провинций, главным образом Египта. Причем благодаря системе наземных коммуникаций, в порты Северо-Западной Индии поступали товары из Южной и Восточной Индии, таким образом, империя по-прежнему удовлетворяла свои потребности в таких товарах, как пряности и драгоценные камни. Вместе с тем связи с северными районами Индии и глубинной Центральной Азией реализовали заинтересованность Рима в таких товарах, как хлопок, масла, красители и, наконец, шелк, поступавший из Китая через Бактрию. Сложение Кушанского царства благоприятствовало развитию этих связей и, возможно, сыграло определенную роль в перемещении римско-египетской торговли в Северо-Западную Индию. С другой стороны, участие в международной торговле имело положительные последствия для развития экономики Кушанского государства, способствовало товарности ремесленного производства и сельского хозяйства, появлению цепочки торговых центров, протянувшейся вдоль караванных путей, развитию товарно-денежных отношений, которые прослежены детально в кушанской Бактрии. Показателем экономической и политической стабилизации Кушанского царства явилась денежная реформа Вимы Кадфиза, унифицировавшая весовое и иконографическое содержание медного и введенного золотого чекана. Появление золотых монет симптоматично с точки зрения масштаба торговли. Известное сходство с римскими монетами, особенно в области иконографии, в сочетании с римскими импортами, найденными в кушанских комплексах, служит достаточно веским доказательством активности этого направления связей, реализовавшихся в товарообмене, в котором участвовал золотой чекан.

В период существования Кушанского царства происходили наиболее интенсивные контакты римского мира и Индии. Этому способствовало установление регулярного мореплавания в бассейне Индийского океана, на базе которого развивалась прямая индо-римская торговля. В известной степени эти связи осуществлялись и по континентальным путям, однако в целом они носили дистанционный характер. Это проявилось и в области некоторых заимствований кушан из египетской культуры, которые были прежде "парфянизированы".

Говоря о расцвете контактов Римской империи с Индией, которые конкретизируются в работе египетско-кушанскими связями, мы имеем в виду эволюцию не только количественных характеристик, связанных с частотой и регулярностью торговых вояжей, расширением сфер действия международного товарообмена, но главным образом сущностные параметры, отражающие известную специфику римско-кушанских, в частности египетско-кушанских в контексте индо-римских связей. Из всех индийских культур лишь кушанская активно заимствовала и творчески переосмыслила элементы культур греко-римского мира, результатом чего стало сложение новых, синкретических направлений в искусстве, созданных на базе слияния местных, индо-иранских, и античных традиций. Этот феномен культурных заимствований мог отражать изменения в ассортименте римского экспорта в условиях стабилизировавшейся и регулярной торговли. Вывоз товаров из Египта и Сирии, главным образом произведений искусства, обеспечил Риму возможность получать с Востока предметы роскоши, которые по-прежнему составляли значительную долю общего объема межгосударственного обмена. Кроме того, важным свойством египетского экспорта являлось изготовление предметов, выполненных в соответствии с местными вкусами, будь то объекты дешевые или специально предназначенные для царей и правителей. Этим может объясняться наличие в кушанском искусстве предметов, сочетающих черты местного и римско-эллинистического искусства. Свидетельствами устойчивых контактов являются местные имитации привозных вещей, в том числе египетских бус, амулетов и других предметов мелкой пластики. Кушанское искусство широко использовало иконографию греко-эллинистических богов, таких как Дионис и Геракл, которые хотя и не утратили присущих им атрибутов, тем не менее, ассимилированные местными сходными представлениями о богах плодородия, богах-воителях, по своему облику становятся кушанскими богами. Аналогичным путем происходило усвоение иконографии египетского Сараписа и Гарпократа. В официальной религиозной мысли они отражали концепцию верховной власти царя. Поэтому неудивительно, что воплощения именно этих божеств оказались в царской сокровищнице Беграма и в столичном городе Таксиле. Известно, что представители Римской империи, совершая миссии в другие страны, практиковали вывоз статуй своих богов, которые предназначались для местных правителей в качестве даров. Таким путем происходило знакомство кушан и с александрийским пантеоном, иконография которого проникала в кушан-

ское искусство, причем в первую очередь в искусство социальных верхов. Феномен сознательного заимствования и творческого переосмысления иконографии иноземных богов сопровождался и проникновением самого образа бога. Анализ материалов, связанных с образами Сараписа и Гарпократа на кушанских монетах и в элитарном гандхарском искусстве, указывает на их концептуальную близость местным богам, с которыми они отождествлялись. Такой характер заимствования должен был базироваться на определенном сходстве представлений, в том числе о божественном происхождении царской власти. Параллельно происходили заимствования извне традиционными культурами народов, входивших в состав Кушанского царства. Они также реализовались на основе отождествлений, однако управляемых представлениями, присущими народным религиям. И здесь обнаруживается избирательный принцип адаптации инокультурных реалий, которые наделялись свойствами местным культурам смыслом. Однако в конечном счете первоначальное и новое значение обнаруживают тождество, ибо восходят к таким ключевым понятиям народных верований, как плодородие и воскрешение.

Совокупность источников свидетельствует о прямых контактах римского Египта и Кушанского царства в достаточно узких хронологических рамках - с рубежа I-II по III в. н.э.

Основные положения диссертации опубликованы автором в следующих работах:

1. Морская торговля римского Египта с Индией // Всесоюзная школа молодых востоковедов: Тезисы докладов и сообщений. - Т.П. - Ч.2. История. Идеология. Источниковедение. - М.: ГРВЛ, - 1980, с.197-200.

2. Статуэтка египетского божества из могильника Туп-хона: Южный Таджикистан // Вестник древней истории. - 1981. - № 4. - С.73-80.

3. О характере контактов между Кушанским царством и Восточным Средиземноморьем: По археологическим материалам из Бактрии // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. - Вып. I. - М.: Наука, 1981. - С.46-56.

4. Морская торговля римского Египта с Индией // Народы Азии и Африки. - 1983. - № 4. - С.III-III8.

5. О контактах Египта с Кушанской Бактрией: По археологическим материалам из Бактрии // Древний и средневековый Восток.

История. Филология. - М.: ГРВЛ. - 1983. - С.121-138.

6. Сарапис на монетах Хувитки // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. - М.: ГРВЛ, 1986. - С.72-80.

Шер

Подписано к печати 12.02.88
Объем 1 п.л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Зак. 40

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28